

6. См. п. 3, с. 15.
7. Там же, с. 17.
8. См. п. 4, с. 42.
9. См. п. 3, с. 22.
10. Ульяновский ЦДНИ, Ф.1, Оп. 1, Д. 5, Л. 47.
11. Там же, Ф. 13, Оп. 1, Д. 330, Л. 56.
12. Цит. По Хренов И.И. Из истории борьбы Коммунистической партии за интеллигенцию в Октябрьской революции. Сборник трудов Ульяновского политехнического института. Т. 6, вып. 1. Ульяновское отделение Приволжского книжного издательства, 1968, с. 40.
13. «Народная газета» – 1992. – 24 февраля.
14. Обзор состояния кооперации в Ульяновской губернии за 1924 год. Ульяновск, 1925. С.7.
15. Архив ФСБ по Ульяновской области, Ф. 1/2, Оп. 4. Д. 2, Л.34.
16. Там же, Л.142.
17. Там же, Л. 142.
18. Там же, Л. 142.
19. См. п. 14, с. 37.
20. См. п. 10, Ф. 13, Оп. 1, Д. 474, Л. 13.
21. Там же, Ф.13, Оп. 1, Д. 629, Л. 1.
22. Там же, Ф. 13, Оп. 1, Д.709, Л. 57.
23. Там же, Ф. 3, Оп. 1, Д. 225, Л. 1.
24. Там же, Ф. 3, Оп. 1, Д. 235, Л. 35.
25. Там же, Ф. 3, Оп. 1, Д. 235, Л. 45.
26. Год работы Ульяновпотребсоюза. Материалы ко 2-му собранию уполномоченных Ульяновпотребсоюза 27-30 августа 1929 года. Ульяновск, 1929. С 34.

**ПОЛОЖЕНИЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
В ПЕРИОД С 1917 ПО 1922 гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Н.Е. Герлт, АССИСТЕНТ

Рождение "союза представителей науки, пролетариата и техники" провозглашалось величайшим историческим завоеванием социалистической революции. Роль высшего образования в строи-

гельстве нового общества была очевидна с самого начала, поскольку без квалифицированных кадров никакая промышленно развитая страна в 20-м веке существовать не могла. Поэтому основную цель власть видела в том, чтобы превратить высшую школу в кузницу кадров новой рабоче-крестьянской интеллигенции, которая затем могла бы вытеснить с руководящих постов старых спецов. Так, в решении 1-го партийного совещания по вопросам народного образования, созванного при ЦК РКП (б) в конце декабря 1920 г., ставилась задача завоевать высшую школу политически, т.е., "во-первых, обеспечить революционное направление её работы, во-вторых, политически воспитать всех проходящих через школу студентов, в-третьих, использовать высшую школу для создания возможно большего количества специалистов, вышедших из пролетариата, и в особенности партийных" (1). Основным источником пополнения народного хозяйства научно-техническими специалистами оставались высшие учебные заведения.

Советской властью предпринимались большие усилия для развития высшей школы. Здесь ей досталось такое наследство: в 16 городах страны работал 91 вуз, в которых обучался 124 651 студент. 57,1% из них обучались в университетах, которых насчитывалось девять и среди которых особым авторитетом пользовались Московский, Санкт-Петербургский, Дерптский (Тартуский) и Киевский; 42,7% студентов обучались в технических, учительских и сельскохозяйственных вузах, остальные - в частных высших учебных заведениях (2).

До 1917 г. в Поволжско-Уральском регионе университетское образование можно было получить только в Казани. В декабре 1909 г. был открыт десятый Саратовский университет.

В 1918 г. в Поволжье появились университеты в Астрахани, Самаре, Симбирске, Костроме, Ярославле, Нижнем Новгороде. Основывались университеты, имевшие статус народных, и в уездных центрах. Большинство из них просуществовало три-четыре года. Расширение гражданской войны и иностранной военной интервенции, хозяйственная разруха, голод 1921-1922 гг., острая потребность в кадрах привели к преобразованию многих университетов в отраслевые институты или даже к закрытию их. Забегая вперед, можно сказать, что к тридцатым годам университеты в

Поволжье сохранились лишь в Казани, Саратове и Нижнем Новгороде.

Считая отсутствие в средневолжских губерниях высших учебных заведений пережитком прошлого, новые власти на местах многое делали для того, чтобы здесь открылись вузы, так как это значительно повышало статус губернских центров как очагов науки и культуры.

Первый декрет Совнаркома о высшей школе, принятый в 1918 г., отменял учёные степени и звания, вводил выборность профессуры и коллегиальность руководства, что ставило высшую школу под контроль государства, который на том этапе ограничивался финансовыми и административными вопросами, не затрагивавшими учебные программы и состав преподавателей (3). Гораздо большие изменения внёс декрет "О правилах приёма в высшие учебные заведения", принятый в августе 1918 г., снимавший все ограничения на поступление в вузы - не требовался даже диплом о среднем образовании, отменялись вступительные экзамены. Это делалось с целью "открыть доступ к образованию и науке трудящимся массам и вообще поднять просвещение в широких массах народа, помочь каждому думающему над своим развитием возместить недостатки своего образования, использовать из трудящейся среды наиболее сознательные и талантливые силы" (4). Что же касается вступительных экзаменов, то при подаче заявления о приёме в вуз должно было быть указано "желание или нежелание держать испытание". Но подобные свободы привели к падению образовательного уровня студентов.

Открыв двери в вузы для всех желающих без учёта имеющегося образовательного уровня власти пошли на создание специальных рабочих факультетов, готовящих рабочую и крестьянскую молодёжь к учёбе. Это должно было помочь решить не только учебно-педагогические задачи - дать возможность пролетариату и крестьянству проникнуть в высшую школу и овладеть высотами знания и практики, но и политические - с помощью новой рабоче-крестьянской аудитории приспособить старую высшую школу к практическим требованиям революции, и, кроме того, дать возможность "новым, свежим студенческим элементам, вышедшим из народных низов, перевоспитать рыхлотелое прежнее студенчест-

во. пока ещё количественно преобладающее в высшей школе" (5). Пролетаризация студенческого состава осуществлялась путём пополнения вузов выпускниками рабфаков и посредством соблюдения классового принципа при приёме молодёжи в высшую школу.

Принятое в 1921 г. "Положение о высших учебных заведениях РСФСР" предписывало принимать в вузы всех детей рабочих и крестьян, имеющих направления партийных, комсомольских и профсоюзных организаций (6). В итоге происходило отторжение детей из семей старой интеллигенции от высшего образования, т.е. дискриминация по признаку социального происхождения. Но то, что было узаконено официально в 1921 г., прослеживается гораздо раньше - в 1919 г. Так, в списках студентов Симбирского Пролетарского Университета из 163 студентов 1 учительница, 1 дочь железнодорожного служащего, 2 из семей священников (7). Тем самым нарушалась преемственность развития интеллигенции.

Стремясь найти приложение своим силам, старая профессура шла на сотрудничество с новой властью. Отношение к власти - нейтральное, так как в тот период высшая школа ещё сохраняла традиции автономии и власти почти не вмешивались в её работу, о чём было сказано выше. Так, в Уставе Симбирского Пролетарского Университета было записано, что "общее заведывание университетом принадлежит Совету Университета, членами которого состоят ректор и лекторы читаемых курсов, представители от слушателей и отдела по народному просвещению. ...В научном и бюджетном отношении Университетский Совет обладает автономией..." (8). В Самарском университете, функционировавшем с 1918 по 1927 г. к концу 1920 года был солидный преподавательский состав: 61 профессор, 110 преподавателей, 100 научных сотрудников, 45 ассистентов. Ряд видных профессоров ранее работали в вузах Москвы, Санкт-Петербурга, Варшавы, Казани и других университетских центров: В.Н. Перетц, В.П. Адрианова-Перетц, П.Ф. Преображенский, С.Я. Лурье, Н.А. Архангельский и др.

При открытии Симбирского Пролетарского Университета также предполагалось пригласить часть лекторов из Москвы, Петрограда, Казани и других мест (9). Разные по уровню образования, по степени известности в научных кругах России, все они отличались широтой интересов и стремлением помочь провинции. В

Симбирском университете, первым ректором которого был профессор Н.А. Архангельский, историк, этнограф, краевед, в период с 1919 г. по 1920 г. из 51 служащего был 41 преподаватель, 38 - с высшим образованием. В 1921 г. из 60 служащих 14 преподавателей с высшим образованием (10). В свете вышесказанного характерно впечатление одного из студентов Симбирского Пролетарского Университета, побывавшего в Петровской сельскохозяйственной академии: "Большинство старой профессуры занимает безучастное положение к общественной жизни, выполняя лишь своё прямое дело, о чём, надо отдать им честь, худого сказать нельзя. ... Смело можно надеяться, что следующие года через рабфаки и другими путями пролетарское студенчество будет расти и увеличиваться, и совсем недалеко то время, когда мы будем одну за другой отвоёвывать и профессорские кафедры, заменяя белую профессуру красной" (11).

В сводках Симбирского ОГПУ указывалось, что хотя беспартийное студенчество и профессура Симбирских вузов были "за малым исключением по отношению к Советской власти настроены враждебно", но всё же не представляли собой реальной политической силы, с которой надо было бы бороться. В большинстве своём это была "политически индифферентная... масса, которую очень трудно расшевелить. Поэтому, говоря о чекистско-вузовской работе в Симбирске, главным образом приходится наблюдать за отдельными личностями, тем или иным выделяющимися из среды студентов или преподавателей" (12). Большинство преподавателей высшей школы и учителей средних учебных заведений, добросовестно выполняя свои прямые обязанности, неохотно участвовало в общественно-политических мероприятиях, в которые их втягивала новая власть, стремясь "перековать". Наркомпрос с 1918 г. поэтапно проводит реформу высшей школы, в ходе которой вузовская система постепенно попадает под власть партаппарата. Во всех учебных заведениях создавались ячейки РКП (б) и РКСМ с целью завоевать доверие студенческой молодёжи и организовать сеть политического просвещения (13). Практика партийного внедрения в жизнь высшей школы встретила резкое сопротивление профессорско-преподавательского состава. Перемены, которых они ожидали от революции, были в их представлении связаны с

расширением свободы творчества и с невмешательством властей в процесс образования, на деле они столкнулись с некомпетентным вмешательством в саму ткань вузовской жизни. Как отмечалось в сводках Симбирского ОГПУ, "перелом в сторону требований, выставляемых в данное время Советской властью" наблюдался лишь у небольшой части учащей интеллигенции. Отмечалось также, что работа ячеек РКП (б) и РКСМ в учебных заведениях проходит удовлетворительно, что учащие "начинают всё больше и больше проявлять свою активность в общественно-политической работе... Безусловно, много среди них осталось таких индивидуумов, особенно из старых, пропитанных старым духом, которым все новшества, введенные Советской властью, как участие в общественно-политической работе, не по нраву, но, боясь остаться без куска хлеба, всё же работают" (14). Угроза остаться без куска хлеба была реальной. По сравнению с педагогами средней школы положение педагогов высшей школы было несколько лучше - все они получали более высокие оклады и академические пайки (15). В 1921 г. самый высокий, ректорский, оклад составлял 82 500 руб. (16). Но на фоне рыночных цен в Симбирске он не обеспечивал прожиточного минимума. В связи с этим интересно проследить динамику цен в Симбирске. В 1919 г. фунт мяса стоил 8 руб., десяток яиц - 20 руб., 1 пуд пшеничной муки - 150 руб., фунт масла - 48 руб., коробка спичек - 5-7 руб.; в 1920 г. стоимость катушки ниток дошла до 1200 руб. (17). В 1922 г. выпеченный хлеб стоил 32,5 тыс. руб. за фунт, картофель - 575 тыс. руб. за пуд, мясо - 120 тыс. руб. за фунт, масло - 110 тыс. руб. за фунт, десяток яиц - 340 тыс. руб. (18).

В 1921 г. в вузах повсеместно было введено преподавание общественных наук. Институт общественных наук должен был выполнять функцию внедрения пролетарской идеологии в сознание студентов. От обществоведов требовалось не просто поставить преподавание "в духе исторического материализма как единственно правильного научного метода", но и воспитывать в студентах классовую настороженность к идеям буржуазной профессуры (19). Одним из основных критериев оценки работы обществоведа в вузе был рост числа членов партии среди студентов. Распущенные в 1922 г. органы студенческого самоуправления заменялись партий-

ными и комсомольскими ячейками. Но, несмотря на принимаемые меры, подавляющее большинство студентов оставались беспартийными.

К 1922 г. в Симбирске функционировало три вуза: Чувашский Практический Институт Народного Образования (ПРАКТИНО), политехникум и Русский ПРАКТИНО. По сводкам Симбирского ОГПУ самым безопасным в политическом отношении являлся Чувашский ПРАКТИНО, так как в нём "всеми руководят ячейки РКП и РКСМ и ректор коммунист. Настроений студенчество никаких не имеет, кроме тех, кои разрешены указанными выше органами. Преподавательский состав вполне благонадёжен" (20). Студенчество политехникума характеризовалось органами как "более живое, более подвижное и способное на ... активные действия. Путём организации Профсекции и Исполбюро удалось умелым подходом РСМ-цев вырвать инициативу из рук студкома... и установить гегемонию в среде студенчества" (21). Русский ПРАКТИНО признавался СОГПУ наиболее интересным. Состав студентов, с точки зрения органов, был далеко неудовлетворительным - на 315 человек слушателей было 20 человек членов РКСМ и 2 члена партии. "Комсомол, применяющий к ВУЗам ... методы раскола, методы, которые могут вывести из себя самого терпеливого и смиренного человека, и то ничего не смог добиться..." (22). Симбирский отдел ГПУ через Губпрофсовет принимал меры для недопущения в вузы "неблагонадёжного элемента". Возбуждая ходатайства перед Губисполкомом и Губкомом РКП, некоторым студентам удавалось урегулировать этот вопрос, но в большинстве случаев, как отмечалось в отчёте ГПУ, "нам удалось не допустить" (23).

В качестве заключения можно сказать, что в 1922 г. был принят первый советский Устав высшей школы, который уничтожил основу независимости вузов - коллегии профессоров, самостоятельно определявшие вопросы содержания учебных программ и подбор кадров. Теперь их деятельность контролировалась органами Наркомпроса через назначаемых им ректоров. Устав гарантировал желательный для власти социальный состав не только студентов, но и научных сотрудников и преподавателей. Сложившаяся в последующие 20-е годы система жёсткого государственного и идеологического контроля за высшим образованием просущество-

вала, по мнению исследователей, "с некоторыми модификациями до начала 80-х годов, однако это не помешало советскому естественному занять лидирующее место в мире. Что же касается общественных наук, то здесь идеологический монополизм привёл к исчезновению многих научных дисциплин, а сохранившиеся развивались как дерево под холодными ветрами тундры - согнуто и криво" (24).

Примечания

1. Цит. по кн.: Федюкин С.А. Советская власть и буржуазные специалисты. Москва, "Мысль", 1965. С. 187.
2. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце 19-начале 20 века. М., 1991. Цит. по кн.: Черных А. Становление России советской. 20-е годы в зеркале социологии. Москва, "Памятники исторической мысли", 1998. С. 109.
3. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце 19-начале 20 века. М., 1991. Цит. по кн.: Черных А. Указ. соч. С. 109.
4. Устав Симбирского Пролетарского Университета. - ГАУО. - Ф. Р-72. - Оп. 1. - Д. 24. - Л. 1-3.
5. Залкинд А.Б. Рабоче-крестьянская молодёжь и высшая школа // Залкинд А.Б. Очерки культуры революционного времени. Сб. ст. М., 1924. Цит. по кн.: Черных А. Указ. соч. С. 110.
6. Черных А. Указ. соч. С. 111.
7. Устав Симбирского Пролетарского Университета. - ГАУО. - Ф. Р-72. - Оп. 1. - Д. 4. - Л. 1-5.
8. Симбирская губерния в годы гражданской войны. Сб. док. Т. 1 (май 1918 г.- март 1919 г.). Ульяновское книжное изд., 1958. С. 255. Устав Симбирского Пролетарского Университета. - ГАУО. - Ф. Р-72. - Оп. 1. - Д. 24. - Л. 1-3.
9. Симбирская губерния в годы гражданской войны. Сб. док. Т. 1 (май 1918 г.- март 1919 г.). Ульяновское книжное изд., 1958. С. 255.
10. ГАУО. - Ф. Р-72. - Оп. 1. - Д. 63. - Л. 5-14.
11. Протокол № 39 общего собрания членов и кандидатов РКП ячейки Губправзема от 18.12.1922 г. - ЦДНИУО. - Ф. 13. - Оп. 1. - Д. 334. - Л. 52.

12. Доклад о работе по ВУЗам. - Архив ФСБ по Ульяновской области. - Ф. 1/2. - Оп. 4. - Д. 2. - Л. 84.
13. Черных А. Указ. соч. С. 110.
14. Доклад Губотдела ОГПУ о работе по ВУЗам и учительству. - Архив ФСБ по Ульяновской области. - Ф. 1/2. - Оп. 4. - Д. 2. - Л. 496.
15. ГАУО. - Ф. Р-72. - Оп. 1. - Д. 37. - Л. 22.
16. ГАУО. - Ф. Р-72. - Оп. 1. - Д. 63. - Л. 14.
17. Цит. по: Жиркевич-Подлесских Н. Симбирский дневник генерала А.В. Жиркевича // Волга. - 1992. - № 7-8. - С. 109, 132.
18. Кочepasова Т.Ю. Система школьного образования в начале 20-х годов в Среднем Поволжье. В кн.: Постигая прошлое и настоящее. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. Издательство Саратовского университета, 1995. С. 115.
19. Красная газета, 1921, 27 апреля. Цит. по кн.: Черных А. Указ. соч. С. 112.
20. Доклад о работе по ВУЗам. - Архив ФСБ по Ульяновской области. - Ф. 1/2. - Оп. 4. - Д. 2. - Л. 84.
21. Доклад о работе по ВУЗам. - Архив ФСБ по Ульяновской области. - Ф. 1/2. - Оп. 4. - Д. 2. - Л. 84.
22. Доклад о работе по ВУЗам. - Архив ФСБ по Ульяновской области. - Ф. 1/2. - Оп. 4. - Д. 2. - Л. 125.
23. Доклад о работе по ВУЗам. - Архив ФСБ по Ульяновской области. - Ф. 1/2. - Оп. 4. - Д. 2. - Л. 125.
24. Черных А. Указ соч. С. 115.

ПОЛИТИКА ПАРТИЙНЫХ И СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ПО ОТНОШЕНИЮ К ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПЕРИОД С 1917 ПО 1922 гг.

Н.Е. ГЕРДТ, АССИСТЕНТ

То, что интеллигенция после Октябрьской революции имела сложную и трагическую судьбу, сегодня осознаётся всеми. Чем предопределялась эта судьба, какие факторы оказали влияние на отношение интеллигенции к диктатуре пролетариата? Прежде всего "надо учитывать конкретные исторические обстоятельства нашей революции, происшедшей во время войны, в отсталой стране.